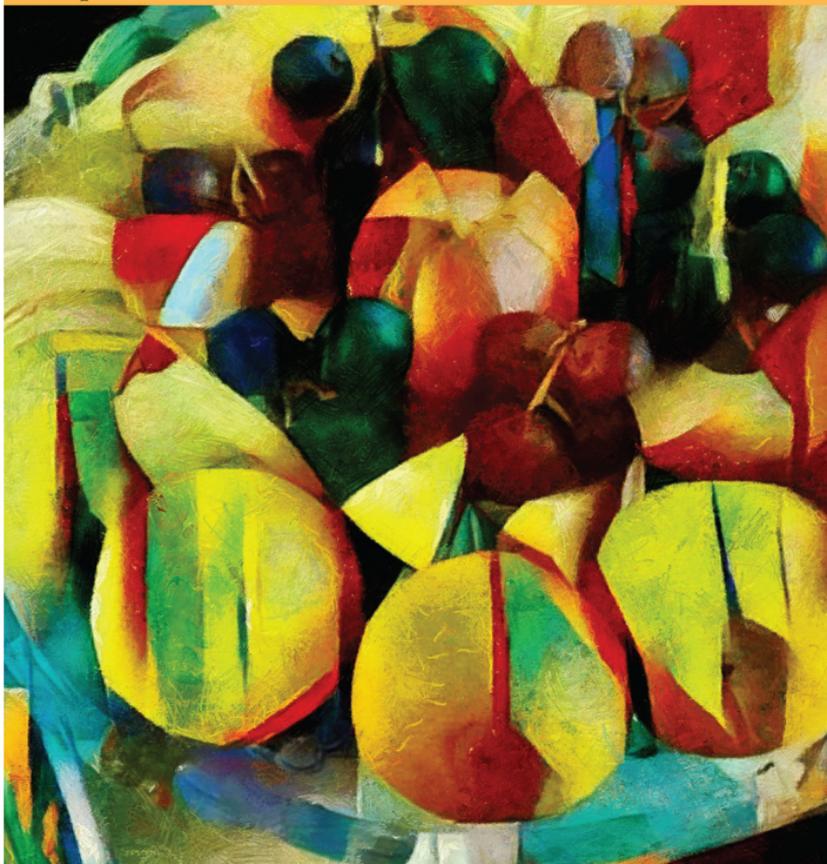

Дженет
Уинтерсон

Не только апельсины

[роман]

Дженет Уинтерсон
Не только апельсины
Серия «XX век / XXI век – The Best»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43032739

Д. Уинтерсон. Не только апельсины: ООО «Издательство АСТ»;

Москва; 2019

ISBN 978-5-17-114399-2

Аннотация

Роман молодой писательницы, в котором она откровенно рассказала о своем детстве и трагической первой любви, вызвал жаркие дискуссии и стал одним из главных культурных событий восьмидесятых.

Детство и юность Дженет проходят в атмосфере бесконечных проповедей, религиозных праздников и душевспасительных бесед. Девочка с увлечением принимает участие в миссионерской деятельности общины, однако невольно отмечает, что ее «добродетельные» родители и соседи весьма своеобразно трактуют учение Христа. С каждым днем ей все труднее мириться с лицемерием и ханжеством, процветающими в ее окружении. Но однажды приходит любовь... и разрушает все, чем она жила до сих пор, – семью, карьеру, веру в Бога и веру в людей. Рушатся также и стены ее крошечного сообщества, за которыми открывается большой, живой, настоящий мир...

Содержание

Книга Бытия	6
Книга Исход	31
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Дженет Уинтерсон

Не только апельсины

Jeanette Winterson

Oranges Are Not the Only Fruit

© Jeanette Winterson, 1985

© Перевод. А. Комаринец, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Филиппе Брюстер, с которой все началось

*Если берете толстую кожуру, верхнюю ее часть
следует аккуратно срезать, не то на поверхности
образуется пена, которая испортит внешний вид.
Из книги «Изготовление мармелада» миссис Битон¹*

¹ Изабелла Битон (1836–1865) – автор знаменитого бестселлера викторианской эпохи «Об управлении домашним хозяйством». – Примеч. пер.

*На свете есть не только апельсины.
Нелл Гвин²*

² Нелл Гвин (1650–1687) – английская актриса театра Друри-Лейн, фаворитка Карла II. В начале своей карьеры работала в театре разносчицей апельсинов, за что была прозвана «апельсиновой девушкой». – *Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.*

Книга Бытия

Как и большинство людей, я долгое время жила с отцом и матерью. Отец любил смотреть борьбу, а мама любила бороться – неважно за что. Она была на стороне добра, и этим все сказано.

Она вывешивала самые большие простыни по самым ветреным дням. Она прямо-таки *хотела*, чтобы в дверь постучались мормоны. В пору выборов в лейбористском рабочем городке она выставила в окне фотографию кандидата-консерватора. Она никогда не испытывала смешанных чувств. В ее мире существовали только друзья и враги.

Врагами были:

дьявол (во множестве его проявлений)

Те, Кто По Соседству

секс (во множестве его проявлений)

слизни.

В друзьях числились:

Бог

наша собака

тетя Мэдж

романы Шарлотты Бронте

средство от слизней

и я. Поначалу.

Она взяла меня, чтобы я стала на ее сторону против Остального Мира. Ее отношение к деторождению представляется мне загадкой: не в том дело, что она не смогла бы зачать дитя, а в том, что она, вероятно, не хотела этого делать. Она горько обижалась на Деву Марию за то, что та провернула непорочное зачатие первой. А потому мама нашла ладзейку и обзавелась подкидышем. Мной.

С самого начала мне дали понять, что я особенная. Волхвов и мудрецов у нас не было, потому что мама в них не верила, зато были овцы. Одно из первых моих воспоминаний: в Пасхальное воскресенье я сижу на овце, а мама рассказывает мне историю про жертвенного агнца. К слову, по воскресеньям мы ели ягненка с картошкой.

Воскресенье было Господним днем – самым важным за всю неделю. Дома у нас стоял радиоприемник с внушительной передней панелью красного дерева и круглой бакелитовой ручкой, которую надо было крутить, чтобы поймать нужную станцию. Обычно мы слушали «Программу света», но по воскресеньям это всегда была «Всемирная служба» – по ней мама отмечала успехи миссионеров. Наша миссионерская карта была очень подробной. На лицевой стороне изображались разными цветами страны, а на обороте имелся пронумерованный список, в котором перечислялись народы и

их особенности. Моим любимым был номер 16 – карпатские гуцулы. Они верили, что, если мышь найдет твои остриженные волосы и сошьет из них гнездо, у тебя случится головная боль. А если гнездо будет большое, ты сойдешь с ума. Насколько мне известно, пока у них не побывал ни один миссионер.

По воскресеньям мама вставала рано и до десяти часов никого не пускала в гостиную. Это было ее место молитвы и медитации. Она всегда молилась стоя – из-за болей в коленях, совсем как Бонапарт, который отдавал приказы сидя в седле из-за своего роста. Думаю, отношения мамы с Господом во многом определялись физическим положением тела. Она была до мозга костей приверженкой Ветхого Завета. Не для нее кроткие и пасхальный агнец, нет: она стояла на передовой, плечом к плечу с пророками, – склонная угрюмо удаляться в кущи, когда на головы провинившихся не обрушивались предназначенные им кары. Впрочем, обрушивались те довольно часто, – не могу сказать, по ее воле или по воле Господа.

Молилась она всегда по заведенному порядку: сначала благодарила Бога, что дожила до нового дня, потом благодарила Бога, что даровал новый день миру, затем говорила о своих врагах – самое близкое, что у нее имелось к катехизису.

Едва из-за стены раздавалось громогласное «Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь», я ставила чайник. К то-

му времени, когда закипала вода и я заваривала чай, у мамы подходил к концу последний пункт программы: перечень недужных. Мама всегда отличалась большим постоянством.

Я доливала в чашку молока, она входила на кухню и, сделав большой глоток чаю, произносила одно из трех:

– Господь милосерд (*стальной взгляд на задний двор*).

– Что это за чай? (*стальной взгляд на меня*.)

– Кто самый старый человек в Библии?

Конечно, в третьем пункте бывали самые разные варианты, но неизменно – блиц-опрос на знание Библии. В церкви у нас часто устраивали блиц-опросы, и мама любила, чтобы я побеждала. Если я знала ответ, она задавала следующий, а если нет, раздражалась, но, к счастью, ненадолго, потому что наступало время слушать «Всемирную службу». Происходило все всегда одинаково: мы садились по обе стороны радиоприемника – она с чашкой чаю, я с карандашом и блокнотом, перед нами лежала миссионерская карта. Далекий голос из ящика сообщал о проведенных мероприятиях, о новообращенных, о возникших проблемах. В конце следовал призыв: «Помолимся за...» От меня требовалось все записывать, чтобы мама могла вечером сообщить эту информацию на собрании. Она была секретарем по миссионерской деятельности. Миссионерский доклад был для меня великим испытанием, поскольку от него зависел мой обед. Если все шло хорошо – никаких смертей и уйма новообращенных, – мама варила мясо. Если безбожники оказывались не только

упрямы, но и склонны к насилию, остаток утра мама проводила слушая «Благочестивую подборку» Джима Ривза, а после приходилось довольствоваться вареными яйцами и поджаренным хлебом. Папа был человек покладистый, и все же я знала, что от яиц с тостами он впадает в уныние. Он и сам мог бы приготовить еду, если бы не твердая уверенность мамы, что она единственный человек в нашем доме, способный отличить сковородку от пианино. На наш с папой взгляд, она ошибалась, на ее – была совершенно права, и только свое мнение она и принимала в расчет.

Так или иначе, нам удавалось преодолеть утро, и после полудня мы с ней выводили гулять собаку, а папа чистил всю обувь.

– Человека встречают по обуви, – говорила мама. – Посмотри на Тех, Кто По Соседству.

– Спиртное, – мрачно говорила мама, когда мы проходили мимо их дома. – Вот почему они покупают все по «Каталогу второго сорта» Макси Болла. Сам дьявол пьяница! – Иногда мама изобретала собственные теологические догмы.

Макси Болл владел универмагом. Одежда там была недорогая, однако хватало ее ненадолго и пахло от нее промышленным клеем. Отчаявшиеся, легкомысленные и самые бедные сражались по утрам в субботу, чтобы что-нибудь урвать, и бешено торговались. Моя мама скорее согласилась бы голодать, чем быть замеченной у Макси Болла. Она внушила мне ужас пред этим местом. Это было довольно несправед-

ливо с ее стороны, поскольку туда ходило много наших знакомых, но справедливостью она не отличалась: мама либо любила, либо ненавидела, – а Макси Болла она ненавидела. Как-то зимой она была вынуждена пойти в универмаг, чтобы купить корсет, и в то же самое воскресенье посреди литургии одна косточка вылезла и врезалась ей прямо в живот. Мама целый час ничего не могла поделать. Когда мы вернулись домой, она разорвала корсет, а косточки использовала как подпорки для герани, кроме одной, которую подарила мне. Косточка до сих пор у меня, и всякий раз, испытывая искушение извернуться и обойти правила, я вспоминаю эту косточку и понимаю, как неправа.

Мы с мамой шли все дальше к холму в конце нашей улицы. Городок лежал в узкой долинке, стиснутый возвышенностями, полный труб, лавочек и жмущихся друг к другу домов без садов или палисадников. Холм плавно переходил в Пеннинские горы, покрытые редкими вкраплениями ферм. Мощенные булыжником улицы с выложенными плиткой тротуарами карабкались все выше и выше на склоны, а после просто обрывались. С вершины холма было видно на много миль кругом – совсем как Иисусу с возвышенности – вот только смотреть особо не на что. Справа виден виадук, а за ним квартал многоквартирных домов Эллисона, где раз в год на площади устраивали ярмарку. Мне разрешали туда ходить при условии, что я принесу маме упаковку черного гороха. Черный горох выглядел как кроличьи погадки, и про-

давали его в жидкой подливке из бульона и пряной кукурузной кашицы. Вкус просто чудесный. Цыгане устраивали сущий бедлам и веселились ночи напролет, мама называла их блудодеями, но в целом мы отлично ладили. Они делали вид, будто не замечают пропавшие яблоки в карамели, а иногда, если народу мало и у тебя нет денег, все равно пускали поката́ться на аттракционах с электрическими автомобильчиками. Как-то у кибиток завязалась драка: ребята с улицы, вроде меня, против задавак с Бульвара. Задаваки ходили в кафе «Брауниз» и не оставались на школьные обеды.

Однажды, когда я уже собиралась идти домой и забирала черный горох, одна старуха взяла меня за руку. Я думала, она меня укусит. Глянув на мою ладонь, она хохотнула.

– Ты никогда не выйдешь замуж, – сказала она. – Только не ты. И ты никогда не остепенишься.

Она не взяла денег за горох и велела быстрее бежать домой. Я бежала со всех ног и по пути старалась понять, о чем она говорила. Я в любом случае не собиралась выходить замуж. Я знала двух женщин, у которых вообще не было мужей, но они были старые – почти как моя мама. Они держали газетный киоск и иногда, когда я по средам приходила за моим комиксом, давали мне банановый батончик. Они мне очень нравились, и я много рассказывала о них маме. Однажды они спросили, не хочу ли я поехать с ними на море. Я побежала домой, сообщила новость и как раз деловито опустошала копилку, чтобы купить новую лопатку для песка,

когда мама раз и навсегда твердо сказала «нет». Я не могла понять почему, а она не объяснила. Она даже не позволила мне вернуться, чтобы сказать, что я не смогу. А потом отменила мою подписку на комикс и велела ходить за ним в дру-гой, дальний киоск. Я расстроилась – у Гримсби мне никогда не давали банановых батончиков. Несколько недель спустя я услышала, как мама рассказывает про случившееся мис-сис Уайт. Она сказала, что те женщины предаются «проти-воестественным страстям». По моему разумению, это озна-чало, что они сдабривают химикатами свои угощения.

Мы с мамой поднимались выше и выше, пока город не остался позади и мы не вышли к мемориальному камню на самой вершине. Тут всегда дуло, поэтому маме приходилось втыкать еще несколько булавок в шляпку. Обычно она повязывала на голову платок, но только не по воскресеньям – по воскресеньям она надевала шляпку. Мы сидели у камня, и она благодарила Господа, что нам удалось подняться. Потом она долго рассуждала о том, как устроен мир, как неразумны люди, населяющие его, и о неотвратимости кары Господней. А потом рассказывала мне историю про какого-нибудь храб-рого смельчака, который отверг радости плоти и трудился на благо Господа...

Была история про «обращенную овцу», склонного к пьян-ству и пороку грязного дегенерата, который внезапно обрел Бога, прочищая дымоход. Он впал в молитвенный экстаз и так долго не вылезал из дымохода, что друзья испугались,

как бы он не потерял сознание. С немалым трудом они уговорили его оттуда вылезти. Когда он появился, лицо его, едва видимое под слоем сажи, сияло как у ангела. После этого случая его попросили вести занятия в воскресной школе, а некоторое время спустя он умер и, конечно же, прямоком отправился в рай.

Были другие истории. Мне больше всего нравилась про Великана Аллилуйя – урода от рождения: будучи восьми футов ростом, он съежился до шести футов и трех дюймов благодаря молитвам благочестивой паствы.

Время от времени мама любила рассказывать историю собственного обращения – очень романтическую. Иногда мне думается, что будь в издательстве «Миллс и Бун»³ хоть сколько-нибудь ревивализма⁴, мама стала бы у них звездой.

Однажды вечером она по чистой случайности зашла на собрание во славу Господа пастора Спрэтта. Проповедь устраивали в шатре на каком-то пустыре, и каждый вечер пастор Спрэтт говорил об участи проклятых и совершал чудеса исцеления. Он производил сильное впечатление. Мама говорила, он выглядел как Эррол Флинн⁵, только святой. На

³ «Миллс и Бун» – английское издательство, основанное в 1908 г. После Второй мировой войны специализировалось на романтических женских романах. – *Примеч. пер.*

⁴ Ревивализм (от *англ.* revival – возрождение) – религиозное движение в протестантизме за духовное «возрождение» посредством усиления религиозности.

⁵ Флинн, Эррол – голливудский актер, прославившийся в амплу отважных героев и благородных разбойников.

той неделе многие женщины обрели Бога. Когда-то пастор Спрэтт служил рекламным агентом на Чугунолитейном заводе Рэтбоуна, там и овладел искусством очаровывать аудиторию. Кто-кто, а он умел заарканить клиента. «Нет ничего дурного в наживке, – заявил он, когда репортер “Кроникл” цинично поинтересовался, почему он дарит новообращенным комнатные цветы. – Нам заповедано быть ловцами душ человеческих». Мама откликнулась на призыв и получила в подарок экземпляр псалтыря. Ей также предложили на выбор рождественский кактус и ландыш. Мама выбрала ландыш. На следующий вечер туда же отправился мой отец, и она велела ему постараться заполучить кактус (что никогда не цветет), но к тому времени, когда подошла его очередь, кактусы уже разобрали. «Он не из тех, кто умеет толкаться локтями, – часто говорила она и после короткой паузы добавляла: – Благослови его Боже».

Пастор Спрэтт остался у них до завершения своего «крестового похода», и как раз тогда у мамы проснулся стойкий интерес к миссионерской работе. Сам пастор большую часть времени проводил в джунглях и прочих жарких местах, где обращал в свою веру язычников. У нас есть его фотокарточка, где он стоит в окружении черных мужчин с копьями. Мама держит ее на прикроватном столике. Моя мама очень похожа на Уильяма Блейка: у нее бывают сны и видения, и она не всегда способна отличить голову блохи от короля⁶. К сча-

⁶ Аллюзия на картины английского художника и поэта Уильяма Блейка (1757–

стью, она не умеет рисовать.

Однажды вечером она вышла прогуляться и стала думать о своей жизни и о том, что могло случиться, но не сбылось. Ее дядя был актером. «Весьма недурной Гамлет», – писали про него в «Кроникл».

Но время шло. Дядя Уилл умер нищим, она давно уже не юная девушка, и люди не так добры, как хотелось бы. Она любила говорить по-французски и играть на пианино, но толку-то?..

Жила-была прекрасная и умная принцесса, такая чувствительная, что смерть мотылька могла выбить ее из колеи на целый месяц. Семья не знала, что делать. Советники заламывали руки, мудрецы качали головами, храбрые рыцари уходили не солоно хлебавши. И так продолжалось многие годы, пока однажды, гуляя в лесу, принцесса не набрела на хижину, в которой жила старая горбунья, знавшая тайны магии. Эта старуха разглядела в принцессе женщину великой энергии и находчивости.

– Тебе грозит опасность сгореть в собственном пламени, милая моя, – сказала она.

Горбунья поведала принцессе, что присматривает за обитателями одной небольшой деревушки, для которых она – главный советник и друг. Она уже очень стара, но не может

1827), в частности на «Призрак блохи», сюжет и композиция которой пришли к нему во сне. – *Примеч. пер.*

покинуть этот мир до тех пор, пока кто-нибудь не возьмет их на свое попечение. Может, принцесса согласится помочь? Дел не так уж и много, всего-то:

(1) Доить коз.

(2) Просвещать людей.

(3) Сочинять песни для их праздников.

Вдобавок ей достанутся трехногий табурет и все книги, какими владела горбунья. И самое главное – губная гармоника, инструмент великой древности в четыре октавы.

Принцесса согласилась остаться и напрочь позабыла дворец и мотыльков. Старуха поблагодарила ее – и тут же умерла.

Моей матери, пока она гуляла тем вечером, привиделся сон наяву, который не отпускал ее и днем. Ей приснилось, что она обретет дитя, воспитает его, вырастит и посвятит Богу:

миссионерское дитя,

слуга Господа,

благословение.

И потому некоторое время спустя, в особый день она шла за путеводной звездой, которая привела ее к приюту, и к колыбели в приюте, и к младенцу в колыбели. К младенцу, у которого было слишком много волос.

Она сказала: «Это дитя мое от Господа».

Она забрала младенца, и семь дней и семь ночей младенец плакал от страха и незнания. Мать пела младенцу колыбельные песни и отбивалась от демонов. Она понимала, как алкает Нечистый плоти.

Такой теплой нежной плоти.

Теперь ее плоти. Плоти, появившейся на свет из ее головы.

Ее видения.

Не толчок под тазовой костью, но вода и слово.

Теперь у нее есть выход – на многие и многие годы вперед.

Мы стояли на холме, и моя мама сказала: «Этот мир полон греха».

Мы стояли на холме, и моя мама сказала: «Ты можешь изменить мир».

Когда мы вернулись домой, папа смотрел телевизор. Показывали матч между Зубодробителем Уильямсом и Одноглазым Джонни Скоттом. Мама пришла в ярость: по воскресеньям мы всегда накрывали телевизор. У нас была скатерть с изображением Ветхозаветных деяний – нам подарил ее один прихожанин, занимающийся вывозом старых вещей из домов. Скатерть была очень красивая, и мы хранили ее в особом ящике, куда не полагалось класть ничего кроме скатерти, осколков от витража Тиффани⁷ и старого пергамента

⁷ Техника изготовления витражей. Разработана американским художником и

из Ливана. Не знаю, почему мы хранили пергамент, – мы думали, это фрагмент Ветхого Завета, но это была закладная на овечью ферму. Папа даже не потрудился сложить скатерть, и я видела смятого Моисея, принимающего Десять заповедей, под вертикальной складкой. «Жди беды», – подумала я и побыстрее сказала, что пойду в Армию спасения⁸ на урок игры на бубне.

Бедный папочка, он вечно не оправдывал ожиданий.

Тем вечером в церкви проповедовал приехавший к нам из Стокпорта пастор Финч. Он был экспертом по части демонов и прочел пугающую проповедь о том, как легко поддаться их власти. Мы все были под большим впечатлением. Миссис Уайт заявила, что ее соседи – одержимые, все признаки налицо. Пастор Финч утверждал, что одержимые выдают себя вспышками ярости, внезапными взрывами буйного смеха и редкостным очарованием. Сам дьявол, напомнил он нам, может явиться в облике ангела света.

После службы был банкет, моя мама приготовила двадцать порций бисквитов с заварным кремом и свою обычную гору сэндвичей с луком и сыром.

– По сэндвичам ее узнаете добрую женщину, – объявил пастор Финч.

Мама зарделась.

дизайнером Л. Тиффани в конце XIX века.

⁸ Армия спасения – международная религиозная и благотворительная организация, основанная в Великобритании в 1865 г.

Потом он повернулся ко мне и спросил:

– Сколько тебе лет, маленькая девочка?

– Семь, – ответила я.

– А, семь... – пробормотал он. – Благословенно число семь! Семь дней творения, семисвечный подсвечник, семь тюленей...

Семь чего? Тюленей?⁹ В домашнем чтении я еще не дошла до Книги Откровения и решила, что он говорит про каких-то амфибий из Ветхого Завета, которых я пропустила. Я неделями старалась их отыскать на случай, если они всплывут в блиц-опросах.

– Да, – продолжал он, – благословенны, – тут его чело омрачилось. – Но и прокляты.

С этими словами он бухнул кулаком по столу, и один сэндвич подскочил и плюхнулся в сумку для пожертвований. Я видела, как это произошло, но так отвлеклась, что забыла рассказать (сэндвич нашли неделю спустя во время собрания сестринской общины). Все за столом замолкли, кроме миссис Ротуэлл – глухой как тетерев и вечно голодной.

– Дьявол может вернуться СЕМИЖДЫ! – взгляд пастора обошел собравшихся за столом.

«Шкряб-шкряб» – это ложка миссис Ротуэлл.

– СЕМИЖДЫ!

– Кто-нибудь будет этот кусок пирога? – спросила миссис

⁹ На самом деле речь о семи печатях. Английское слово *seal* имеет несколько значений, среди которых есть «печать» и «тюлень».

Ротуэлл.

– Лучшие могут обратиться в худших, – он взял меня за руку. – Это невинное дитя, сей цвет Завета...

– Ну, тогда я съем, – заявила миссис Ротуэлл.

Пастор Финч воззрился на нее свирепо, ведь он был не из тех, кого можно так просто сбить с мысли.

– Эта маленькая лилия сама может быть пристанищем демонов!

– Э... придержи коней, Рой, – встревоженно сказала миссис Финч.

– Не прерывай меня, Грейс, – твердо отвечал пастор. – Я лишь пример привожу. Господь даровал мне шанс, а дарованное Господом не должно пропасть втуне. Известно ведь, что самые святые люди внезапно преисполняются зла. И во сто крат верно это в случае женщины, и во сто крат верно это в случае ребенка. Бдите своих детей, родители, ищите знаки. Бдите своих жен, мужья. Благословенны будьте именем Господа.

Он отпустил мою руку, которая теперь стала влажной.

Свою он вытер о штанину.

– Не надо тебе так переутруждаться, Рой, – сказала миссис Финч, – съешь пирожное. Оно пропитано хересом.

Мне было немного неловко, поэтому я пошла в комнату для занятий воскресной школы. Там лежал набор игрушек «Веселый войлок», из которого можно складывать библейские сценки, и только я начала получать удовольствие, пере-

иначивая историю Даниила в логове львов¹⁰, как явился пастор Финч. Убрав руки в карманы, я уставилась в линолеум.

– Маленькая девочка... – начал он, и взгляд его упал на войлочных зверюшек. – Это еще что?

– Даниил, – ответила я.

– Но это же неправильно! – пришел в ужас он. – Ты что, не знаешь, что Даниил спасся? В твоей картинке львы его проглатывают.

– Извините, – со смиренным видом ответила я. – Мне хотелось изобразить Иону и кита¹¹, но в «Веселом войлоке» нет китов. Я делаю вид, будто львы – это киты.

– Но ты же сказала, что это Даниил? – подозрительно спросил он.

– Я запуталась.

Он улыбнулся.

– Давай-ка все исправим, а? – В одном углу он расставил львов, в другом – поместил Даниила. – Как насчет Навуходоносора¹²? Давай сложим теперь сценку чуда на восходе?

Он стал рыться в коробке в поисках царя.

«Без толку», – подумала я. На Рождество Сьюзен Грин

¹⁰ Согласно Библии, пророк Даниил был брошен в ров на растерзание львам, но чудом спасся.

¹¹ Согласно библейскому рассказу, пророк Иона, навлекший на себя гнев Божий, был заживо проглочен китом, но спустя три дня и три ночи освобожден благодаря покаянию.

¹² Навуходоносор – вавилонский царь, важное действующее лицо библейской Книги Даниила.

стошнило на сценку с тремя волхвами, а в коробке только три царя. Я оставила его за игрой. Когда я вернулась в зал, кто-то спросил меня, не видела ли я пастора Финча.

– Он в комнате воскресной школы. Играет в «Веселый войлок», – честно ответила я.

– Не выдумывай, Дженет, – произнес чей-то голос. Я подняла взгляд. Это была мисс Джюсбери. Ее голос всегда звучал не так, как у всех, наверное потому, что она учила играть на гобое. От этого что-то со ртом делается.

– Пора домой, – сказала моя мама. – Думаю, на сегодня уже достаточно развлечений.

И что только люди не считают развлечением...

Вместе с нами ушли Элис и Мэй («Тетя Элис и тетя Мэй для тебя»). Я плелась позади, думая о пасторе Финче и о том, какой он гадкий. Зубы у него выпирали, голос был визгливый, пусть даже он и пытался говорить низко и строго. Бедная миссис Финч. Как она с ним живет? Тут я вспомнила цыганку. «Ты никогда не выйдешь замуж». Возможно, это не так уж и плохо. Домой мы шли мимо квартала Фэктори-Боттомз. Там жили самые бедные из тех, кто работал на заводе. Там были сотни детей и шелудивых собак. Раньше тут жили Те, Кто По Соседству, у самого завода по производству клея, но какой-то их родственник умер и оставил им дом прямо рядом с нашим.

– Дело рук дьявола, помяни мое слово. – Мама считала, что подобное посылается в испытание.

Одной мне ходить в Фэктори-Боттомз не разрешали, и тем вечером, когда начался дождь, я была уверена, что знаю почему. Если демоны и жили где-то, то, несомненно, тут. Мы прошли мимо лавочки, в которой продавали ошейники от блох и отраву для насекомых. Она называлась «Аркрайт от грызунов и букашек». Я однажды была внутри, когда у нас случилось нашествие тараканов.

Сегодня миссис Аркрайт стояла за кассой. Когда мы проходили мимо, она увидела Мэй и крикнула ей, чтобы та зашла. Моей маме это не слишком понравилось, но, пробормотав что-то про то, как Иисус водился с мытарями и грешниками, она втолкнула меня внутрь, впереди всех.

– Где ты пропадала, Мэй? – спросила миссис Аркрайт, вытирая руку о тряпку. – Ты целый месяц не показывалась.

– В Блэкпул отдохнуть ездила.

– Ха, так тебе денжат на курорте привалило?

– Бинго в «Бинго», раз-два-три.

– Надо же! – в голосе миссис Аркрайт прозвучали восхищение и досада разом.

Некоторое время разговор продолжался в том же духе: миссис Аркрайт жаловалась, что торговля идет плохо, что ей придется закрыть лавочку и что на грызунах и тараканах больше денег не заработаешь.

– Надеюсь, лето будет жарким, тогда изо всех щелей полезут.

Мама явно расстроилась.

– Помните, какая жара стояла два года назад? О, вот тогда я поторговала! Тараканы, древоточцы, крысы, что душеньке угодно, и всех я травила. Нет, дурные времена настали, со всем дурные.

Пару минут мы хранили уважительное молчание, потом мама кашлянула и сказала, что нам пора идти.

– Ну и ладненько, – сказала миссис Аркрайт. – Вот, возьмите для девчушки.

«Девчушка» – это я. Порывшись под прилавком, она достала несколько жестянок разной формы.

– Она там шарики и прочие мелочи может хранить, – объяснила она.

– Спасибо, – улыбнулась я.

– Айюшки, а она и разговаривать-то умеет! – улыбнулась мне миссис Аркрайт и выпустила нас из лавки.

– Смотри, какие, Мэй! – я подняла жестянки повыше.

– Тетя Мэй! – рявкнула мама.

Мэй рассматривала их вместе со мной.

– «Серебряная рыба», – прочитала она. – «Щедро посыпать за раковиной, унитазами и в прочих сырых местах». О, очень мило! А вот тут: «Вши, клопы и так далее. Эффект гарантирован, или вернем деньги».

Наконец мы дошли до нашей двери. Доброй ночи, Мэй, доброй ночи, Элис, благослови вас Бог. Папа уже лег спать, потому что смены у него были ранние, а мама еще долго не

ляжет.

Сколько себя помню, она всегда ложилась в четыре, а папа вставал в пять. По-своему даже приятно, ведь всегда можно спуститься среди ночи и не чувствовать себя одинокой. Довольно часто мы ели яичницу с беконом, и мама немного читала мне из Библии.

Мое образование началось так: мама учила меня читать по Второзаконию и рассказывала о жизни святых – какими они были грешными и как предавались безымянным желаниям. Таким нельзя поклоняться, то есть это еще одна – очередная! – ересь католической церкви. Нельзя поддаваться сладкоречивым папистам.

– Но я в жизни папистов не видела.

– Девиз девушки – «БУДЬ ГОТОВА».

Я усвоила, что дождь идет, если тучи натыкаются на какое-нибудь высокое здание, например на шпиль или на собор; от столкновения образуется дырка, и все внизу становится мокрым. Вот почему в стародавние времена, когда единственными высокими зданиями были дома Божьи, люди говаривали, что чистота – все равно что святость. Чем более святой у тебя город, чем больше в нем высоких зданий, тем чаще идет дождь.

– Поэтому в безбожных местах такая сушь, – объяснила мама, потом уставилась в пустоту, и карандаш в руке у нее дрогнул. – Бедный пастор Спрэтт.

Я обнаружила, что все в мире природы есть символ Великой Битвы между добром и злом.

– Возьмем змею мамбу, – сказала мама. – На короткой дистанции мамба способна обогнать лошадь.

И она изобразила гонку на листе бумаге. Она имела в виду, что в краткосрочной перспективе зло может на время победить, но не надолго. Мы очень обрадовались и спели наш любимый гимн «Не поддайся искушению».

Я попросила маму научить меня французскому языку, но ее лицо омрачилось, и она отказала.

– Почему?

– Он едва не привел меня к падению.

– О чем ты? – не унималась я всякий раз, когда представлялся случай.

Но она только качала головой и бормотала, что я слишком юна, что я сама скоро все узнаю и что это очень скверно.

– Как-нибудь, – сказала она наконец, – я расскажу тебе про Пьера. – А потом включила радио и так долго не обращала на меня внимания, что я пошла спать.

Довольно часто она начинала рассказывать мне какую-нибудь историю, но посреди повествования отвлекалась, поэтому я так и не узнала, куда переместился земной рай с индийского побережья, и почти на неделю застряла на «шестью семь равно сорок два».

– Почему я не хожу в школу? – спросила я.

Мне было интересно узнать про школу, потому что мама

всегда называла ее Рассадником. Я не знала, что она имеет в виду, но знала, что это плохо, как «противоестественные страсти».

– Там тебя с пути истинного собьют, – только и слышала я в ответ.

Обо всем этом я думала в уборной. Она была на улице, и я терпеть не могла ходить туда ночью из-за пауков, которые приползали из угольного сарая. Мы с отцом уйму времени проводили в уборной: я сидела, подсунув под себя руки, и напевала под нос, а отец, наверное, стоял. Мама очень сердилась.

– Что вы там вечно торчите? На эти дела ведь не надо много времени.

Но в нашем доме больше некуда было пойти. У нас была одна спальня на всех. Мама собственноручно обустраивала ванную комнату рядом и со временем собиралась, если останется место, поставить перегородку, чтобы соорудить маленькую комнатку для меня. Но работа шла очень медленно, ведь слишком многое занимало мысли мамы. Иногда приходила миссис Уайт помочь замешать раствор, но в итоге они слушали Джонни Кэша¹³ или сочиняли очередную листовку про крещение через полное погружение в воду¹⁴. Од-

¹³ Кэш, Джонни (1932–2003) – американский певец, музыкант и композитор, один из ключевых исполнителей XX века.

¹⁴ Крещение через полное погружение в воду является одним из основополагающих принципов баптизма.

нако в конце концов дело было сделано – не прошло и трех лет.

Тем временем мое обучение шло своим чередом. Благодаря слизням и маминым каталогам семян я узнала про сельское хозяйство и про садовых вредителей и приобрела представление об историческом процессе благодаря пророчествам из Откровения и журналу под названием «Неприкрытая правда», который мама получала раз в неделю.

– Илия¹⁵ снова среди нас, – заявляла она.

А еще я научилась истолковывать знаки и чудеса, которых ни за что не понять неверующему.

– Тебе это понадобится, когда ты отправишься обращаться язычников, – напоминала мне мама.

Потом, однажды утром, когда нам пришлось встать рано, чтобы слушать Ивана Попова из-за «железного занавеса», в почтовый ящик нам плюхнулся толстый коричневый конверт. Мама решила, что это письмо с благодарностями от тех, кто был на агитационном собрании «Крестового похода во исцеление недужных» в зале при ратуше. Она рывком его вскрыла, и лицо у нее вытянулось.

– Что там? – спросила я.

– Это про тебя.

– Что про меня?

– Я должна отправить тебя в школу.

Я пулей улетела в уборную и села на руки. Наконец-то,

¹⁵ Илия – один из самых почитаемых христианами пророков Ветхого Завета.

Рассадник!

Книга Исход

– Почему ты меня туда посылаешь? – спросила я накануне вечером.

– Потому что, если ты не пойдешь, меня посадят в тюрьму. – Она взяла нож. – Сколько тебе бутербродов?

– Два. А с чем они будут?

– С говяжьей тушенкой, и скажи спасибо.

– Но если тебя посадят в тюрьму, то потом снова выпустят. Святого Павла вечно сажали в тюрьму.

– Я это знаю. – Она решительно разрежала хлеб – показались малюсенький плевочек подливки от тушенки. – А Те, Кто По Соседству, нет. Ешь и молчи.

Она толкнула ко мне тарелку. Выглядело как сушная гадость.

– А почему мне нельзя чипсов?

– Потому что у меня нет времени жарить чипсы. Мне надо попарить ноги и погладить тебе жилетку, притом что я еще даже не притронулась к запросам на молитву. А кроме того, картошки нет.

Я пошла в гостиную в поисках, чем бы заняться. На кухне мама включила радио.

– А сейчас, – произнес голос, – программа о семейной жизни слизней.

Мама взвизгнула.

– Ты это слышала? – спросила она и просунула голову из дверей на кухню. – Семейная жизнь слизней! Это богомерзко! Как если бы они сказали, что мы происходим от обезьян.

Я задумалась. Сырым промозглым вечером среды мистер и миссис Слизень возвращаются домой. Мистер Слизень тихонько дремлет, миссис Слизень читает книгу про воспитание трудных детей. *«Я так беспокоюсь, доктор. Он такой тихий, забился в свою скорлупу».*

– Нет, мам, – ответила я, – все совсем не так.

Но она не слушала. Она вернулась на кухню, и до меня доносилось ее бормотание, пока она крутила ручку и настраивалась на «Всемирную службу». Я пошла к ней.

– Дьявол в миру, но не в доме сем, – произнесла она и устремила взгляд на изображение Христа, висящее над духовкой.

Это была акварель девять на девять, которую написал для мамы пастор Спрэтт перед тем, как покинуть свой евангелизационный поход во славу Господа ради Уигана и Африки. Картинка называлась «Господь кормит птиц», и мама повесила ее над духовкой, поскольку большую часть времени проводила у плиты, готовя всякое для паствы. Картинка чуть-чуть обтрепалась, к ноге Господа прилип кусочек желтка, но мы не стали его счищать из страха, что соскрежем его вместе с краской.

– С меня хватит, – сказала она. – Уходи.

И она снова закрыла дверь на кухню и выключила радио.

Я слышала, как она напевает «Хвалы Тебе возносятся».

«Ну вот и все», – подумала я.

Так оно и было.

На следующее утро царила суматоха. Мама вытащила меня из кровати, крича, что уже половина восьмого, что она глаз не сомкнула и что папа ушел на работу, не прихватив с собой обед. Она вылила в раковину чайник кипятка.

– Почему ты не ложишься? – спросила я.

– Какой смысл, если через три часа вставать вместе с тобой?

– Но ты могла бы лечь пораньше, – подсказала я, сражаясь с пижамой.

Пижаму мне сшила одна старая женщина, но отверстие для горловины сделала того же размера, что и для рук, поэтому у меня вечно саднили уши. Когда у меня воспалились аденоиды и я на три месяца оглохла, этого тоже никто не заметил.

Как-то ночью я лежала в кровати, думая о славе Господней, как вдруг сообразила, что все кругом стало слишком уж тихим. Я, как обычно, посещала церковь, пела громко – тоже как обычно, – но мне уже некоторое время казалось, будто я одна издаю какие-либо звуки. Я решила, что у меня «состояние молитвенного экстаза» – вполне обычное явление в нашей церкви. Позднее я обнаружила, что мама предположила то же самое. Когда Мэй спросила, почему я никому не отвечаю, моя мама ответила: «Это Бог».

– Что Бог? – растерянно переспросила Мэй.

– Его пути неисповедимы, – заявила моя мать и занялась чем-то еще.

И так – неведомо для меня – в нашей церкви распространилась весть, что я в молитвенном экстазе и что никто не должен со мной заговаривать.

– Как, по-твоему, почему это случилось? – поинтересовалась миссис Уайт.

– Ничего удивительного, ей семь лет, сама знаешь. – Мэй для пущего эффекта помедлила. – Это священное число, странные вещи случаются с семерками, взять хотя бы Элси Норрис.

Элси Норрис (или Глаголющая Элси, как ее называли) была большим подспорьем для нашей церкви. Всякий раз, когда пастор просил привести пример милости Господа, Элси вскакивала и кричала: «Послушайте, что Бог сделал для меня на этой неделе».

Ей нужны были яйца, и Бог их послал.

У нее были колики, и Бог их унял.

Она всегда молилась по два часа в день: в семь утра и в семь вечера.

В качестве хобби она выбрала нумерологию и не приступала к чтению Писания, не бросив кости, которые указали бы ей, с чего начать. «Одна костяшка для главы, другая – для стиха» – таков был ее девиз.

Однажды кто-то спросил ее, как она поступает с теми книгами Библии, в которых больше шести глав.

«У меня свои пути, – чопорно ответила она, – у Господа – свои».

Она очень мне нравилась, потому что дома у нее было много всего интересного. Например, орган – чтобы извлечь из него звук, нужно нажать на педаль. Всякий раз, когда я к ней приходила, она играла «Поведи к благому свету». Она давила на клавиши, а я – на педали, потому что у нее была астма. Она коллекционировала иностранные монеты и хранила их в стеклянном ящике, от которого пахло льняным маслом. Она говорила, это напоминает ей о покойном муже, который играл в крикет за Ланкашир.

– Его прозвали Стэн Тяжелая Рука, – повторяла она всякий раз, когда я ее навещала.

Она никак не могла запомнить, что и кому говорит. Она никак не могла запомнить, как давно хранится тот или иной фруктовый пирог. Как-то раз она предлагала мне один и тот же кусок пирога пять недель кряду. Мне повезло, она ведь не помнила и того, что говорят ей самой, поэтому каждую неделю я приводила одно и то же оправдание своему отказу.

– Колики, – говорила я.

– Я за тебя помолюсь, – отзывалась она.

А самое главное – у нее был коллаж с Ноевым ковчегом. На нем двое Ноев-родителей выглядывали в окошко посмотреть на потоп, а другие Нои пытались поймать одного из зай-

цев. Наибольший восторг у меня вызвал съемный шимпанзе из губки для мытья посуды – в конце моего визита Элси разрешала мне пять минут с ним поиграть. У меня была уйма вариантов, но обычно я его топила.

Как-то в воскресенье пастор обратил внимание собравшихся на мою глубокую набожность. Он двадцать минут говорил обо мне, а я ни слова не слышала, просто сидела и читала Библию и думала, какая же длинная эта книжка. Разумеется, эта кажущаяся скромность лишь еще больше всех убедила.

Я думала, что никто со мной не разговаривает, а другие думали, что это я с ними не разговариваю, но однажды вечером я поняла, что вообще ничего не слышу, а потому спустилась вниз и написала на листке бумаги: «Мама, в мире очень тихо».

Кивнув, мама продолжила читать. Эту книгу она получила с утренней почтой от пастора Спрэтта. Там было про миссионеров, и называлась она «Другим континентам Он тоже ведом».

Я не могла привлечь внимание мамы, поэтому взяла апельсин и пошла в кровать. Мне пришлось разбираться самой.

На день рождения кто-то подарил мне ксилофон и сборник народных песен с нотами. Подложив себе под спину подушки, я спела пару куплетов «Милого старого Сайна».

Я видела, как двигаются мои пальцы, но никакого звука не получалось.

Я попробовала «Коричневый кувшинчик».

Ничего.

В отчаянии я начала тарабанить ритм «Стариковской реки».

Ничего.

И до утра я ничего не могла поделать.

На следующий день, едва встав, я твердо решила объяснить маме, что со мной что-то не так.

В доме никого не было.

Завтрак мне оставили с короткой запиской на кухне:

«Дорогая Дженет,

Мы ушли в больницу молиться за тетю Бетти, у нее вылетает коленный сустав.

С любовью

Мама».

Поэтому на весь день я оказалась предоставлена самой себе и наконец решила пойти погулять. Эта прогулка стала моим спасением. Я повстречала мисс Джюсбери, она была очень умная и играла на гобое. А еще она руководила хором сестринской общины.

– Но в ней нет святости, – сказала как-то миссис Уайт.

Наверное, мисс Джюсбери со мной поздоровалась, а я ее

проигнорировала. Она давно не бывала в церкви, так как уезжала с Симфоническим оркестром Армии спасения на гастрольные туры по центральным графствам и потому не знала, что я будто бы полна святого духа. Она стояла передо мной, открывала и закрывала рот – из-за гобоя он открывался очень широко – и сводила брови к переносице. Схватив мисс Джюсбери за руку, я повела ее на почту. Там я взяла ручку и написала на обороте бланка заявления на детское пособие: «Дорогая мисс Джюсбери, я ничего не слышу».

Она посмотрела на меня с ужасом, а потом, завладев ручкой, написала в ответ: «Что твоя мама предприняла в связи с этим? Почему ты не в постели?»

Но теперь на бланке не осталось места, поэтому мне пришлось писать на листовке «К кому обращаться в экстренных случаях».

«Дорогая мисс Джюсбери, – написала я. – Моя мама не знает. Она в больнице у тети Бетти. В постели я была ночью».

Мисс Джюсбери только смотрела на меня во все глаза. Она так долго смотрела, что я задумалась, а не пойти ли домой. Затем она схватила меня за руку и потащила в больницу. Когда мы туда пришли, моя мама и кое-кто из остальных стояли на коленях вокруг кровати тети Бетти и пели гимны. Когда мама увидела меня, она немного удивилась, но не встала. Мисс Джюсбери тронула ее за плечо и начала снова выделывать всякие штуки губами и бровями, а мама все качала головой. Наконец мисс Джюсбери закричала так гром-

ко, что даже я услышала.

– Этот ребенок не исполнен святого духа, – орала она. – Она глухая.

Все в больнице повернулись на меня посмотреть. Я сильно покраснела и уставилась на поилку тети Бетти. Хуже всего было совсем не знать, что происходит.

Потом к нам подошел очень сердитый врач, а потом он и мисс Джюсбери стали размахивать друг перед другом руками. Благодетельные вернулись к своим гимнам, точно вообще ничего не происходило.

Доктор и мисс Джюсбери поскорей увели меня в холодную комнату, в которой было много всяких приборов, и заставили лечь. Врач все время постукивал меня в разных местах и качал головой.

И было абсолютно тихо.

Потом пришла мама и как будто поняла, что к чему. Она подписала бланк и написала мне еще одну записку:

«Дорогая Дженет!

Ничего страшного не случилось, просто ты слегка оглохла. Почему ты мне не сказала? Я иду домой за твоей пижамой».

Что она делает? Почему она меня тут бросает? Я заплакала. Лицо у мамы стало возмущенно-испуганное, и, порывшись в сумочке, она дала мне апельсин. Я его почистила – просто чтобы отвлечься и утешить себя. Заметив, что я немного успокоилась, все переглянулись и ушли.

С самого своего рождения я считала, что мир живет по очень простым правилам, – как наша церковь, только в большем масштабе. А теперь я обнаружила, что даже церковь не всегда знает ответ. В том-то и заключалась проблема. Много лет спустя у меня будет другая проблема, но тогда это уже будет мой собственный выбор. А сейчас она заключалась в том, что со мной станется. Больница, носившая имя королевы Виктории, была большой и пугающей, и мне даже петь было нельзя, потому что я не слышала, что пою. И читать было нечего, кроме каких-то плакатов по гигиене полости рта и инструкций к рентгеновскому аппарату. Я попробовала построить хижину иглу из апельсиновых корок, но они то и дело падали, и даже если бы и не падали, у меня все равно не было эскимоса, чтобы поселить его в хижине. Поэтому мне пришлось придумать историю «Как морж съел эскимоса», отчего я почувствовала себя еще несчастнее. Вечно так с попытками отвлечься – не замечаешь, как втягиваешься в чужой мир.

Наконец вернулась мама, и медсестра надела на меня пижаму и отвела нас обеих в палату для детей. Там было гадко. Стены были бледно-розовые, и на всех занавесках – животные. И притом не настоящие животные, а пушистые и играющие в разные игры цветными мячиками. Я вспомнила про морского моржа, которого только что придумала. Он был злой, ведь съел эскимоса, но все равно лучше этих. Мое иглу медсестра выбросила в мусорную корзину.

Мне совсем нечем было заняться, оставалось только лежать неподвижно и размышлять о своей участи. Несколько часов спустя мама вернулась с моей Библией, раскраской из Союза Писания¹⁶ и бруском пластилина, который тут же отобрала нянечка. Я скорчила грустную рожицу, и нянечка написала на карточке: «Очень плохо, ребенок может проглотить». Я глянула на нее возмущенно и написала в ответ: «Я не хочу его глотать, я хочу из него строить. И вообще пластилин не токсичный, так на упаковке сказано» – и помахала у нее перед носом упаковкой. Нахмурившись, женщина покачала головой. Я повернулась за поддержкой к маме, но та корябала мне длинное письмо. Нянечка начала поправлять постель, а запретный пластилин убрала себе в карман. Я поняла, что переубедить ее не удастся.

Я потянула носом воздух: средство для дезинфекции и картофельное пюре. Тут мама ткнула в меня пальцем, положила свое письмо на тумбочку и высыпала в миску у моей поилки целый пакет апельсинов. Я слабо улыбнулась в надежде на поддержку, но она только погладила меня по голове и была такова. Я осталась одна и стала думать про Джейн Эйр, на долю которой выпали многие испытания и которая всегда оставалась храброй. Мама читала мне эту книгу всякий раз, когда ей было грустно, она говорила, что эта кни-

¹⁶ Союз Священных Писаний – международное христианское движение, основанное в Великобритании в 1867 г. Среди прочего Союз активно занимается созданием и распространением религиозно-просветительских материалов для молодых людей.

га дарует ей силу духа. Я взяла ее письмо с дежурными «не волнуйся», «тебя многие будут навещать», «выше нос» и с обещанием упорно трудиться над устройством ванной и не позволять миссис Уайт встречать. Мол, она скоро придет, а если нет, то пришлет папу. Мол, операцию мне назначили на завтра. Тут я уронила письмо на кровать. На завтра! А что, если я умру?! Такая юная и многообещающая! Я подумала о своих похоронах. Сколько слез будет! Я хотела, чтобы меня похоронили с моей куклой Голли и Библией. Может, надо оставить распоряжения? Можно ли рассчитывать, что кто-то их учтет? Уж мама-то в болезнях и операциях разбиралась. Врач сказал ей, что женщина в ее состоянии не должна ходить по улице, но она ответила, что ее время еще не пришло и что она-то знает, куда идет, в отличие от него. В одной книге мама прочла, что от анестезии люди умирают чаще, чем во время катания на водных лыжах.

– Если Господь тебя вернет, – сказала она Мэй, когда той должны были удалить камни из желчного пузыря, – ты поймешь, что у него для тебя есть работа.

Забравшись под простыню, я стала молиться, чтобы меня вернули.

Утром, в день моей операции, медсестры и нянечки улыбались и снова поправляли мне постель, и возводили из апельсинов симметричную башню. Две волосатые руки подняли меня и привязали ремнями к холодной каталке. Заскрипели колесики. Мужчина, который толкал каталку, шел

слишком быстро. Коридоры, двойные двери и две пары глаз, смотрящих на меня поверх плотных белых масок. Какая-то медсестра держала меня за руку, пока кто-то еще пристраивал мне на рот и нос дыхательную маску. Я вдохнула и увидела огромную череду людей, катающихся на водных лыжах, – они куда-то падали и не возвращались. А после я вообще ничего не видела.

– Желе, Дженет.

Я знала, просто знала, что умерла и ангелы предлагают мне желе. Я открыла глаза, ожидая увидеть пару крыльев.

– Ну же, поешь, – понукал голос.

– Ты ангел? – с надеждой спросила я.

– Не совсем. Я врач. А вот она сущий ангел. Правда же ты ангел, нянечка?

Ангел покраснела.

– Я слышу, – сказала я, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Ешь свое желе, – велела нянечка.

Я до конца недели могла бы прозябать в палате, если бы Элси не выяснила, где я, и не начала меня навещать. Я знала, что до выходных мама прийти не сможет, так как ждет водопроводчика, – он должен был проверить прокладки. Элси приходила каждый день и рассказывала мне всякие шутки, чтобы меня развеселить, и истории, чтобы я чувствовала себя лучше. Она говорила, что истории помогают понимать мир. Когда мне стало лучше, она пообещала научить меня

азам нумерологии, чтобы я помогала ей с подсчетами. Меня охватил восторг, ведь я знала, что мама нумерологию не одобряет. Она говорила, что вера в нумерологию граничит с безумием.

– Ну и пусть, – сказала Элси. – Зато это работает.

Итак, мы отлично проводили время вдвоем, планируя, что будем делать, когда я поправлюсь.

– Сколько тебе лет, Элси? – поинтересовалась я.

– Я Великую войну помню, а больше ни словечка от меня не услышишь.

Потом она стала рассказывать, как водила машину «Скорой помощи» без тормозов.

Под конец моего пребывания в больнице мама довольно часто ко мне приходила, хотя в церкви была горячая пора. Как раз планировали Рождественскую евангелизационную кампанию. Когда мама не могла прийти сама, она присылала папу – обычно с письмом и парой апельсинов.

– Единственный фрукт, – всегда говорила она.

Фруктовый салат, фруктовый пирог, фрукты в креме, фруктовый пунш. Дьявольский плод, плод страсти, гнилой плод, плоды духа, плоды воскресенья.

Апельсины – единственный фрукт. Положенная мне маленькая мусорная корзинка заполнялась шкурками, и нянечки выбрасывали их с недовольным видом. Я прятала шкурки под подушки, и нянечки ругались или вздыхали.

Мы с Элси Норрис каждый день съедали по апельсину –

пополам. Зубов у Элси не было, поэтому она высасывала сок и перетираала деснами цедру. Я свои дольки глотала, как устриц, заталкивая подальше в горло. Окружающие всегда на нас пялились, но нам было все равно.

Когда Элси Норрис не читала Библию и не рассказывала истории, она погружалась в мир поэзии и поэтов. Она много всего мне рассказывала о Суинберне¹⁷ и его бедах, о том, как страдал от непонимания Уильям Блейк.

– Чудаков никто не воспринимает всерьез, – любила говорить она.

Когда мне было грустно, она читала «Базар гоблинов» одной женщины по имени Кристина Россетти¹⁸, которой один друг как-то подарил замаринованную мышку в банке.

Но больше всего Элси любила Уильяма Батлера Йейтса¹⁹. Йейтс, говаривала она, знал, как важны числа и как сильно меняет мир воображение.

– То, что выглядит как одна вещь, вполне может быть другой, – говорила она, и я вспоминала про мое иглу из апельсиновых шкур.

¹⁷ Суинберн, Алджернон Чарлз (1837–1909) – английский поэт. В своих произведениях нередко обращался к запретным темам свободной любви, за что подвергался резкой критике со стороны консервативного общества.

¹⁸ Россетти, Кристина Джорджина (1830–1894) – английская поэтесса. Сказочная поэма «Базар гоблинов» – одно из самых известных ее произведений.

¹⁹ Йейтс, Уильям Батлер (1865–1939) – ирландский поэт, творчество которого подверглось заметному влиянию со стороны кельтского фольклора и оккультизма.

– Если достаточно долго о чем-то думать, – объясняла Элси, – это скорее всего случится. – Она стучала себя по голове. – Все в нашем разуме.

Моя мама верила, что если достаточно долго о чем-то молиться, это случится. Я спросила у Элси, а не одно ли это и то же.

– Бог во всем, – задумчиво ответила она, – поэтому все и всегда одно и то же.

У меня было подозрение, что мама с этим не согласилась бы, но ее с нами не было, а потому это не имело значения.

Мы с Элси играли в настольную игру лудо и в виселицу. Перед уходом она всегда читала мне какое-нибудь стихотворение. В одном были такие строчки:

Все гибнет – творенье и мастерство,
Но мастер весел, пока творит²⁰.

Вот это я понимала, потому что неделями трудилась над своим иглу из апельсиновых корок. Какие-то дни оборачивались великим разочарованием, какие-то – почти триумфом. Это был подвиг равновесия и видения. Элси всегда меня поощряла, говорила, что не нужно обращать внимания на нянечек и медсестер.

– Из пластилина было бы проще, – посетовала я однажды.

– Но не так интересно.

²⁰ У. Б. Йейтс «Ляпис-лазурь» (перевод Г. Кружкова). – *Примеч. пер.*

К тому времени, когда меня наконец выписали из больницы, ко мне вернулись слух и – благодаря Элси – уверенность в себе.

Мне на несколько дней пришлось поехать жить к Элси, до возвращения мамы из Уигана, где она проводила аудит Общества заблудших.

– Я нашла ноты к новой оратории, – сказала Элси, пока мы ехали на автобусе. – Там есть интерлюдия для семи слонов.

– И как она называется?

– «Абиссинская битва».

Разумеется, это была очень знаменитая викторианская оратория – такая же патриотичная, как принц Альберт.

– Что-нибудь еще в церкви случилось?

– Да в общем нет, мы с Господом в настоящий момент друг другу не докучаем. Кое-что по дому потихоньку делаю, пока могу. Ничего особенного – по мелочи с плитусами, ведь когда я с Богом, у меня ни на что времени нет!

Когда мы приехали домой, она напустила на себя загадочный вид и велела мне ждать в гостиной. Я слышала, как она шуршит чем-то и бормочет, потом услышала писк. Наконец она, громко чихая, распахнула дверь.

– Господи прости! – запыхавшись выдавила она. – Какая же она тяжеленная!

И она опустила на стол большую коробку.

– Ну, открывай же!

– Что там?

– Не тяни, открывай!

Я потянула на себя обертку.

Это была деревянная коробка с куполом, а в ней – три белых мышки.

– Седрах, Мисах и Авденаго в печи огненной²¹. – Она растянула губы в улыбке. – Смотри, я сама нарисовала огонь.

На задней стенке коробки мазки воспаленно-оранжевой краски изображали языки пламени.

– И к Пятидесятнице²² может подойти, – предположила я.

– О да, весьма разнопланово.

Мыши огонь не замечали.

– И смотри, что я еще смастерила. – Порывшись в сумке, она достала две фанерные фигурки. Обе были очень ярко раскрашены, одна – явно божественная, с крыльями. Элси посмотрела на меня, победно улыбаясь. – Навуходоносор и ангел Божий.

В основании фигуры ангела имелись маленькие штырьки, так что его можно было установить на купол, не тревожа мышек.

– Красиво, – сказала я.

– Знаю, – кивнула она, роняя кусочек сыра в щель рядом с ангелом.

²¹ Седрах, Мисах, Авденаго – три иудейских отрока, персонажи Книги Даниила. Отказались покориться царю Навуходоносору, за что были брошены в огненную печь, но затем чудесным образом спасены.

²² Пятидесятница – День Святой Троицы.

Тем вечером мы испекли хлеб и сидели у огня. Печка в доме Элси была старинная, с портретами знаменитых людей: Флоренс Найтингейл²³ на плитках, Клайв Индии²⁴, Палмерстон²⁵ и сэр Исаак Ньютон – у последнего подбородок был опален в том месте, где из топки вырывалось пламя. Элси показала мне стаканчик с игральными костями, купленными сорок лет назад в Мекке. Она хранила их в коробке позади дымохода – от воров.

– Кое-кто говорит, что я дура, но на свете есть большее, чем видно глазу.

Я сидела тихо, как мышка, и слушала.

– Есть вот этот мир. – Она для наглядности стукнула кулаком по стене. – И этот мир. – Она ударила себя в грудь. – Если хочешь понять, что к чему в любом из них, надо приглядываться к обоим.

– Я не понимаю, – вздохнула я, раздумывая, что бы еще спросить, чтобы стало яснее, но она заснула с открытым ртом, и вообще пора было кормить мышей.

Возможно, я узнаю, когда пойду в школу, утешала я себя, пока тянулись часы, а Элси все не просыпалась. Даже когда

²³ Найтингейл, Флоренс (1820–1910) – общественный деятель Великобритании, первая сестра милосердия.

²⁴ Клайв, Роберт (1725–1774) – британский военачальник, чиновник, закрепивший положение Британской Ост-Индской компании в Индии. Также известен как Клайв Индии.

²⁵ Палмерстон, Генри Джон Темпл (1784–1865) – британский государственный и политический деятель, премьер-министр, путешественник.

она проснулась, она как будто совершенно забыла про то, как рассказывала мне о Вселенной, и решила строить туннель для мышей. И в школе я тоже не нашла объяснений, все становилось лишь сложнее и мудренее. После трех четвертей я начала отчаиваться. Я научилась народным танцам и азам шитья, но мало чему еще. Народные танцы – это когда тридцать три нескладных ребенка в черных кедах и зеленых трико пытаются угнаться за Мисс, которая вечно танцует с Сэром и ни на кого больше не смотрит. Вскоре они обручились, но нам это никак не помогло, потому что они стали ходить на конкурсы бальных танцев и в результате во время наших уроков без конца репетировали свои фигуры и па, а мы шаркали взад-вперед под инструкции из граммофона. Хуже всего были угрозы и то, что приходилось держать за руку кого-то тебе ненавистного. Мы оступались и шлепались, выкручивали друг другу пальцы, угрожая расправой после уроков. Устав от того, что меня задирают, я поднаторела в изобретении величайших пыток – с невиннейшим лицом: «Что, я, Мисс? Нет, Мисс. О, Мисс, я ни за что бы такого не сделала!» Но я делала, я всегда делала. Больше всего девочек пугала угроза погрузить их с головой в помойную яму позади Чугунолитейного завода Рэтбоуна, а мальчиков – все, что угрожало тому, что пряталось у них в штанах.

Вот так вышло, что три четверти спустя я сидела на корточках в раздевалке и все больше впадала в депрессию. В раздевалке было темно и воняло ногами – тут всегда воняло

ногами, даже в самом начале четверти.

– От ног не избавиться, – сказал как-то кисло смотритель.

Уборщица в ответ покачала головой. От скольких запахов она в своей жизни избавилась, не перечесть! Она даже в зоопарке как-то работала – «а ты знаешь, как воняют животные», – но ноги школьников оказались ей не по зубам.

– Вот эта штука лак с полов сдирает, – сказала она, размахивая красной жестянкой с каким-то средством, – но ноги не возьмет.

Через неделю или около того мы перестали замечать запах, к тому же в раздевалке было удобно прятаться. Учителя даже близко к ней не подходили, только следили за нами с расстояния нескольких метров от двери.

Последний день четверти... В начале той недели мы ходили на экскурсию в Честерский зоопарк. Это означало, что все надевали лучшую воскресную одежду и соревновались, у кого самые чистые носки и самые внушительные сэндвичи. Предметом зависти служили напитки в банках, поскольку у большинства был с собой апельсиновый компот в пластиковых стаканах с крышкой. Стаканы вечно нагревались, и компот обжигал рот.

– У тебя черный хлеб? – Над спинкой сиденья впереди появляются три головы. – А это еще что? Там какие-то катышки, ты вегетарианка?

Я стараюсь не обращать ни на кого внимания, пока в мои сэндвичи тыкают пальцами. Досмотр сэндвичей продолжа-

ется от сиденья к сиденью, пренебрежительные или завистливые шепотки перемежаются визгливым смехом. В сэндвичах у Сьюзан Грин – холодные рыбные палочки, потому что ее семья очень бедная и им приходится питаться объедками. В прошлый раз у нее в сэндвичах был только бурый соус – вроде того, что стоит в столовках в пластиковых бутылках, потому что даже объедков не осталось. По результатам инспекции выносят вердикт – лучшие сэндвичи у Шелли: роллы из белоснежного хлеба с яйцами-карри и чуточкой петрушки. И у нее была банка настоящего лимонада.

В самом зоопарке – ничего интересного; к тому же ходить надо парами. Наша змейка пар ползла от вольера к вольеру. Мы потели и портили новую обувь песком и опилками. Стэнли Фармер поскользнулся и упал в пруд с фламинго, и ни у кого не было денег купить игрушечных животных. Поэтому на час раньше назначенного мы уселись в автобус и потряслись назад домой. На память водителю мы оставили три пластиковых пакета с блевотиной и сотню фантиков от конфет. Это было все, с чем мы смогли расстаться.

– Никогда больше! – вздыхала миссис Вирче, выпроваживая нас из автобуса. – Никогда больше не соглашусь на такой позор!

Миссис Вирче помогала Шелли закончить ее выходное платье. «Они друг друга стоят», – подумала я.

Я утешала себя мыслями о летнем лагере, куда каждый год ездила наша церковь. На сей раз мы собирались очень

далеко, в Девон. Мама была в большом волнении, потому что обещал заглянуть пастор Спрэтт, – он приехал на редкую теперь побывку в Англию и собирался провести первую воскресную службу в евангелическом лагере под Калломптоном. В настоящее время пастор Спрэтт разъезжал по Европе с выставкой. Он уже успел завоевать себе репутацию самого известного и успешного миссионера, которого только снаряжала наша ассоциация церквей. Туземцы из мест, названий которых мы не могли даже выговорить, присылали в нашу штаб-квартиру благодарственные письма, возрадовавшись в Боге и обретенном спасении. В честь обращения тысячного язычника пастор Спрэтт получил средства на длительный отпуск и гастроли со своей коллекцией оружия, амулетов, идолов и примитивных средств контрацепции. Выставка называлась «Спасенные одной лишь благодатью». Я видела только рекламную брошюру, но мама знала все подробности. Были и другие заботы: у нас намечалась кампания евангелизации для девонских фермеров, уже распланированная. В прошлом мы всегда пользовались одними и теми же приемами – на службах, в палатках или в ратушах, вне зависимости от региона. Потом наш секретарь по евангелизации получил из штаб-квартиры набор пособий, в которых разъяснялось, что второе пришествие может случиться в любой момент и что наша задача – приложить все мыслимые усилия к спасению заблудших душ. В этих пособиях, специально составленных маркетинговым советом Харизматического

движения²⁶, отмечалось, что все люди разные, а потому нуждаются в разном подходе. Необходимо, чтобы сама идея спасения стала значимой для любой категории слушателей. Поэтому, проповедуя, например, перед рыбаками, следует прибегать к метафорам, связанным с морской тематикой. И самое важное: когда говоришь с отдельными людьми, нужно как можно быстрее определить, чего они больше всего хотят в жизни – и чего больше всего боятся. Тогда Благая весть сразу становится личной и важной. Совет предписал посещать по воскресеньям подготовительные занятия всем, задействованным в Благой битве, и предоставил нам графики, чтобы мы могли отслеживать свой прогресс и не падать духом. На обороте пособий пастор Спрэтт приписал собственные рекомендации. Там даже имелась его фотография, на которой он – гораздо моложе своих лет – крестил племенного вождя. Итак, нашей целью было доказать, что Господь важен для девонских фермеров. Мама отвечала за припасы для лагеря и уже начала закупать огромные консервные банки бобов и франкфуртских сосисок.

– Армия не может маршировать на пустой желудок, – заявила она.

Мы надеялись собрать достаточно обращенных, чтобы учредить новую церковь в Эксетере.

– Помню, как мы строили здесь молельный зал, – мечта-

²⁶ Харизматическое движение – международное движение в рамках христианства, делится на множество самостоятельных течений.

тельно сказала мама. – Каждый внес свою лепту, и на работу мы нанимали только возрожденных во Христе.

Это было запоминающееся и трудное время: сообща копили деньги на пианино и сборники гимнов и боролись с искушениями дьявола потратить их на отпуск.

– Твой отец в те времена, конечно, был карточным игроком.

Наконец они получили грант от головного офиса – на достройку крыши и на флаг, чтобы он над ней развевался. Какой гордый был день, когда они подняли флаг, на котором красными буквами было вышито: «АЛКАЮ ТЕБЯ, ГОСПОДИ». У каждой церкви есть свой флаг – их изготавливают увечные миссионеры-инвалиды, получая взамен прибавку к пенсии и духовное удовлетворение. В тот первый год моя мама ходила по пабам и клубам и уговаривала пьяниц присоединиться к ней в церкви. Она садилась за пианино и пела «У тебя есть место для Иисуса?». По ее словам, выходило очень трогательно. Мужчины роняли слезы в кружки и бросали партию в снукер, пока она пела. Она была пухленькой и хорошенькой, и ее прозвали Иисусова Красотка.

– А сколько предложений мне делали! – призналась она. – И не все сплошь благие.

Какими бы ни были «предложения», паства росла, и многие мужчины до сих пор останавливаются и снимают шляпу перед Иисусовой Красоткой, когда мама проходит мимо.

Иногда я думаю, что она поспешила с замужеством. После

ужасной истории с Пьером ей больше не хотелось разочарований. Когда я, сидя рядом с ней, рассматривала в альбоме фотографии предков со строгими лицами, она всегда останавливалась на двух страницах, которые в оглавлении значились как «Старые Любови». Там был Пьер и еще другие, включая моего отца.

– Почему ты не вышла за этого или вот за этого? – меня одолевало любопытство.

– Все они были непутевыми, – вздохнула она. – Мне и так несладко пришлось, пока я искала такого, что был всего лишь игроком.

– Почему он перестал быть игроком? – поинтересовалась я, пытаясь вообразить моего кроткого папу похожим на мужчин, которых видела в кино.

– Он женился на мне и обрел Господа.

Тут она вздохнула и рассказала мне историю Старых Любостей: про Безумца Перси, который водил машину с открытым верхом и просил поселиться с ним в Брайтоне, про Эдди в черепаховых очках, который держал пчел... В самом низу страницы имелась пожелтевшая фотокарточка красивой женщины, которая держала на руках кошку.

– Кто это? – указала я.

– Это? А... просто сестра Эдди, не знаю, почему я ее сюда вклеила. – Она перевернула страницу. В следующий раз, когда мы смотрели альбом, фотография уже исчезла.

Итак, она вышла за моего отца и вернула его на путь ис-

тинный, и он строил церковь и никогда не злился. Я думала, что он милый, хотя он по большей части молчал. Мамин отец, разумеется, пришел в ярость. Он считал, что она вышла замуж за человека ниже себя по положению и что ей следовало бы остаться в Париже. Скоро он перестал с ней общаться, поэтому ей вечно не хватало денег. Какое-то время спустя она умудрилась забыть, что у нее вообще были родственники.

– Моя семья – церковь, – говорила она всякий раз, когда я спрашивала про людей из фотоальбома.

Церковь была и моей семьей тоже.

Казалось, в школе я вообще ничего не могла выучить или в чем-то победить – не могла даже удачно вытащить жребий и избавиться от обязанностей обеденного старосты. Обеденный староста должен следить, чтобы у каждого была тарелка и чтобы в кувшинах для воды не плавали крошки. Кормят обеденных старост последними, а порции у них самые маленькие. Меня три раза подряд ставили на такой пост в столовой, а после дети в классе кричали, что от меня пахнет подливой. И одежда у меня была в пятнах от подливы, а мама заставила меня целую неделю носить одно и то же платье, мол, нет смысла давать мне чистую одежду, пока у меня такие обязанности. И теперь я сидела в раздевалке, весь перед платья у меня был испачкан луком и печенкой. Иногда я пыталась их оттереть, но сегодня чувствовала себя слишком

несчастной. После полутора месяцев каникул в церковном лагере я была не в силах справляться с трудностями. Мама оказалась права: это Рассадник. А ведь я пыталась, честное слово, пыталась. Поначалу я прилагала уйму усилий, чтобы стать как все, чтобы быть хорошей.

Прошлой осенью, перед началом занятий, нам велели написать сочинение на тему «Что я делал на летних каникулах». Я очень старалась написать его хорошо, потому что знала, что в классе считают, будто я не умею читать и писать, ведь я слишком поздно пошла в школу. Я писала медленно, самым красивым своим почерком, гордясь, что другие умеют выводить только печатные буквы. Один за другим ученики зачитывали свои сочинения, а потом сдавали учительнице. У всех было одно и то же: рыбалка, плавание, пикники, Уолт Дисней. Тридцать два сочинения про сады и головастиков. Моя фамилия – в конце алфавита, и я никак не могла дождаться своей очереди. Учительница была доброй и хотела, чтобы ее класс был счастлив. Она называла нас ягнятками и выделила меня, сказав не волноваться, если что-то покажется мне трудным.

– Ты скоро освоишься, – утешала она.

Мне хотелось доставить ей удовольствие, и, дрожа от предвкушения, я начала читать свое сочинение:

– На этих каникулах я поехала в выездной лагерь нашей церкви в Колуин-Бей.

Учительница улыбалась и кивала.

– Было очень жарко, и у тети Бетти, у которой и без того вылетает коленный сустав, случился солнечный удар, и мы подумали, что она умирает.

Вид у учительницы стал чуть встревоженный, но класс навострил уши.

– Но она поправилась благодаря моей маме, которая сидела с ней всю ночь и изо всех сил сражалась за нее.

– Твоя мама медсестра? – с симпатией спросила учительница.

– Нет, просто она исцеляет недужных.

Учительница нахмурилась.

– Ну, продолжай.

– Когда тетя Бетти поправилась, мы все поехали на автобусе в Уэльс, в Лландидно, чтобы свидетельствовать на пляже. Я играла на бубне, а Элси Норрис привезла свой аккордеон, но один мальчик кидался песком, и с тех пор фадиез в аккордеоне заедает. Осенью мы устроим базар, чтобы собрать денег на починку. Когда мы вернулись из Колуин-Бей, оказалось, что у Тех, Кто По Соседству, родился еще ребенок, но соседей так много, что мы не знаем, чей он. Моя мама дала им картошки со двора, но они сказали, что благотворительность им не нужна, и побросали картошку назад через стену.

В классе воцарилась мертвая тишина. Учительница посмотрела на меня внимательно.

– Это еще не все?

– Не все. Еще страница с двух сторон.

– О чем?

– Ни о чем особенно, просто про то, как мы брали в аренду купели для крестильной службы после «Крестового похода во исцеление недужных».

– Отлично, но, боюсь, сегодня на это не хватит времени. Положи сочинение в свой шкафчик и до перемены займись раскрасками.

Класс захихикал.

Я медленно села, не понимая, что собственно происходит, но твердо зная, что что-то происходит. Вернувшись домой, я сказала маме, что больше не хочу ходить в школу.

– Придется терпеть, – ответила она. – Вот, съешь апельсин.

Прошло несколько недель, в течение которых я старалась стать как все. Мне это удавалось, а потом начались уроки шитья – по средам, после сосисок в тесте и манчестерского пирога. Мы учились шить прямым и обратным швом, а еще вышивать крестиком, затем нам велели подумать о самостоятельном проекте. Я решила сделать вышивку для Эли Норрис. Девочка за моей партой хотела вышить для мамы «МАМЕ С ЛЮБОВЬЮ», девочка напротив – что-то ко дню рождения. Когда вызвали меня, я сказала, что хочу вышить цитату из Библии.

– Как насчет «ПУСТИТЕ ДЕТЕЙ»²⁷? – предложила миссис Вирче.

Я знала, что Элси это не подойдет. Она предпочитала пророков.

– Нет, – твердо сказала я, – это для моей подруги, а она больше любит Книгу Иеремии. Я придумала вот что: «ПРОШЛА ЖАТВА, КОНЧИЛОСЬ ЛЕТО, А МЫ НЕ СПАСЕНЫ»²⁸.

Миссис Вирче была женщиной дипломатичной, но и у нее имелись свои слабые места. И кое в чем она ни капельки не смыслила. Когда пришло время перечислять проекты, она написала на доске имена учениц, а рядом – что они будут вышивать. Рядом с моей фамилией она написала просто «текст».

– Почему так? – спросила я.

– Ты можешь расстроить других детей, – объяснила она. – Каким цветом ты хочешь вышивать? Желтым, зеленым или красным?

Мы уставились друг на друга.

– Черным, – сказала я.

Я действительно расстроила детей. Не намеренно, но окончательно и бесповоротно. Миссис Спэрроу и миссис Спенсер однажды явились в школу, раздуваясь от ярости. Они пришли на большой перемене, я видела, как, поджав гу-

²⁷ Мф. 19:14.

²⁸ Иер. 8:20.

бы, они поднимались по лестнице. Обе были при сумочках и шляпках, а миссис Спенсер даже в перчатках.

Остальные ученики как будто знали, в чем дело. Они сбились группкой у забора и перешептывались. Один указывал на меня пальцем. Я старалась не обращать внимания, забавляясь с хлыстиком и юлой. Группка разрослась, одна девочка, к губам которой пристал шербет, заорала мне что-то, я не разобрала что именно, но остальные покатались со смеху. Потом ко мне подошел мальчик и ударил меня по шее, потом другой и третий, все они ударяли меня и отбегали.

– Салка, салка! – закричали они, когда учительница проходила мимо.

Я растерялась, потом разозлилась – злость, казалось, кипела в самом желудке. И я осалила одного своим хлыстиком. Он взвизгнул:

– Мисс, мисс! Она меня ударила!

– Мисс, мисс, она его ударила! – поддакнули хором остальные.

Мисс потащила меня внутрь, схватив за волосы.

Снаружи звякнул звонок. Снаружи – шум, хлопанье дверей и шарканье, потом – тишина. Та особая коридорная тишина.

Я стояла посреди учительской.

Мисс повернулась ко мне – выглядела она усталой.

– Протяни руку.

Я протянула руку.

Она взяла со стола длинную линейку. Я подумала про Господа. Тут открылась дверь, и вошла завуч миссис Воул.

– А, как вижу, Дженет уже тут. Подожди снаружи, ладно?

Спрятав в карман чуть было не принесенную в жертву ладошку, я проскользнула между ними.

Я вышла как раз вовремя и увидела удаляющиеся спины миссис Спенсер и миссис Спэрроу. Возмущение сеялось с них как спелые сливы с дерева.

В коридоре было холодно, из-за двери до меня доносились негромкие голоса, но ничего не происходило. Я стала царапать циркулем батарею, стараясь сделать так, чтобы кусок покореженного пластика походил на Париж с высоты птичьего полета.

Вчера в церкви проходило молитвенное собрание, и у миссис Уайт было видение.

– Каково это? – жадно спросили мы.

– Ах, такая святость! – ответила миссис Уайт.

Подготовка к Рождественской кампании шла полным ходом. Армия спасения разрешила нам воспользоваться их местом у ратуши, и ходили слухи, что пастор Спрэтт может приехать с кое-какими обращенными язычниками.

– Мы можем только надеяться и молиться, – сказала моя мама и тут же ему написала.

Я победила в еще одном блиц-опросе по Библии, и, к большому моему облегчению, меня выбрали сыграть рассказчицу в постановке воскресной школы. Три года подряд

я играла Марию – больше мне в эту роль привнести было нечего. А кроме того, пришлось бы играть в паре со Стэнли Фармером.

В воскресной школе были тепло и ясность, делавшие меня счастливой.

В обычной – лишь путаница и неразбериха.

Я села на корточки, так что когда дверь наконец открылась, я увидела только шерстяные чулки и тяжелые ботинки.

– Нам надо с тобой поговорить, – сказала миссис Воул.

Поспешно поднявшись, я вошла в учительскую, чувствуя себя Даниилом.

Вертя в руках чернильницу, миссис Воул внимательно на меня посмотрела.

– Нам кажется, у тебя есть проблемы в школе, Дженет. Не хочешь про них рассказать?

– У меня все в порядке, – защищаясь, шаркнула я ногой.

– Ты как будто чересчур поглощена... скажем так, мыслями о Боге.

Я не поднимала глаз.

– Например, у твоей вышивки был очень пугающий мотив.

– Это было для моей подруги. Ей понравилось! – вырвалось у меня. Я вспомнила, как радостно вспыхнуло лицо Элси, когда я вручила ей вышивку.

– И кто твоя подруга?

– Ее зовут Элси Норрис, она подарила мне трех мышек в

пещи огненной.

Миссис Воул и Мисс переглянулись.

– И почему в альбом про животных ты решила написать про удонов и даманов? А однажды даже про креветок?

– Ну... мама научила меня читать, – в некотором отчаянии начала я.

– Да, твои навыки чтения весьма необычны, но ты не ответила на мой вопрос.

Как мне было им ответить?

Мама учила меня читать по Второзаконию, потому что там полно разных животных (по большей части нечистых). Всякий раз, когда мы читали «только сих не ешьте из жующих жвачку и имеющих раздвоенные копыта с глубоким разрезом»²⁹, она рисовала всех упомянутых существ. Лошадки, зайчики и утята представлялись мне неведомыми сказочными существами – зато я много знала про пеликанов, даманов, ленивцев и летучих мышей. Эта склонность к экзотике навлекла на меня уйму проблем – точно так, как и на Уильяма Блейка. Мама рисовала крылатых насекомых и птиц воздушных, но я предпочитала тех, кто жил на морском дне, – то есть моллюсков. У меня имелась отличная коллекция с пляжа в Блэкпуле. Мама использовала синие чернила для волн и коричневые для чешуйчатого краба. Омаров она рисовала красной шариковой ручкой, а вот креветок она никогда не рисовала, потому что любила их в тесте. Думаю, это очень

²⁹ Втор. 14:7.

долго ее терзало. Наконец после многих молитв и бесед с одним проповедником из Шрусбери она согласилась со святым Павлом: что Бог очистил, того ты не почитай нечистым³⁰

³⁰ Деян. 10:15.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.